Невидимый купец в стране духов: адаптация инокультурного сюжета в средневековом китайском рассказе

Аглая Б. Старостина

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия,
abstarostina@gmail.com*

Аннотация. В древних и средневековых памятниках, написанных на китайском классическом языке, встречаются упоминания о «стране гуев» (Гуй го), удаленной на значительное расстояние от изученных обитаемых мест, но расположенной не на небесах, под землей или под водой, а в горизонтальной проекции. Немногочисленные средневековые свидетельства о путешествиях в Гуй го заметно отличаются от современных им рассказов о посещении потустороннего мира. Вместе с тем есть несколько описаний обитателей «страны гуев», которые ведут себя как демонические существа.

Один из этих текстов – рассказ «Купец из Цинчжоу» из «Цзи шэнь лу», сборника X в., – построен на презумпции того, что посещение Гуй го живым человеком пагубно для местных жителей. Действия обитателей Гуй го, которые обращаются к колдуну для изгнания невидимого для них героя из своей среды, аналогичны мерам, которые предпринимали для изгнания бродячей души умершего. Нарратив «Купца из Цинчжоу» строится вокруг мотива, в каталоге Ю.Е. Березкина обозначенного как «Духи не видят живых» (I56).

В статье будут приведены доводы в пользу того, что сюжет этого рассказа мог сложиться под влиянием тюркских или тунгусо-маньчжурских фольклорных традиций. Он был приспособлен к китайской мифологической картине мира с помощью переосмысления мертвых как демонов и использования китайской натурфилософской терминологии. Кроме того, нарратив обогатили описанием обряда изгнания болезнетворных демонов с помощью кормления.

Ключевые слова: китайский фольклор, демонология, типология сюжетов, кросс-культурные контакты

Дата поступления статьи: 21 января 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 1 июля 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

© Старостина А.Б., 2024

Для цитирования: Старостина А.Б. Невидимый купец в стране духов: адаптация инокультурного сюжета в средневековом китайском рассказе // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 4. С. 65–77. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-4-65-77

The invisible merchant in the land of spirits: a case of adaptation of a foreign cultural plot in a medieval Chinese tale

Aglaya B. Starostina

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, abstarostina@gmail.com*

Abstract. In ancient and medieval sources written in the classical Chinese language, there are references to the “Land of the Gui” (Gui Guo), which lies at a considerable distance from known inhabited places, and not in the sky, underground or underwater, but on a horizontal plane. The word “gui” usually refers to the spirits of the deceased, but is also used to describe various creatures of the demonic realm. Some medieval accounts of journeys to Gui Guo differ markedly from other contemporary accounts of visits to the afterlife. At the same time, there are several descriptions of the inhabitants of the “Land of the Gui” with distinctly demonic behaviour.

One of these texts, a tale called “The Merchant of Qingzhou” from “Jishen Lu”, a 10th-century collection, is based on the assumption that the visit of a living person to a Gui Guo is harmful to the inhabitants. The actions of the inhabitants of the Gui Guo, who ask a magician to expel the invisible hero from their midst, resemble the measures traditionally taken to expel the wandering soul of the deceased. The narrative of “The Merchant of Qingzhou” is built around a motif identified in Yu.E. Berezkin’s catalogue as “Spirits do not see the living” (156).

The article argues that the plot of this story may have developed under the influence of Tungus-Manchu or Turkic folk traditions. It was adapted to the specific mythological worldview by reinterpreting the dead as demons and using terminology from natural philosophy. In addition, the narrative was enriched with a description of the ritual of exorcising disease-causing demons by feeding them.

Keywords: Chinese folklore, demonology, plot typology, cross-cultural contacts

Received: January 21, 2024

Approved after reviewing: July 1, 2024

Date of publication: December 26, 2024

For citation: Starostina, A.B. (2024), “The invisible merchant in the land of spirits: a case of adaptation of a foreign cultural plot in a medieval Chinese tale”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 4, pp. 65–77, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-4-65-77

*Некоторые локусы загробного мира в древнем
и раннесредневековом Китае*

Разнообразие региональных и этнических фольклорных традиций, отраженных в китайских древних и раннесредневековых памятниках, несколько сглаживалось тем, что зачастую авторы редактировали устные источники, придавая им приемлемый для усредненно конфуцианской картины мира характер. Несмотря на эту обработку, остается очевидным, что единой точки зрения на местопребывание душ после смерти не было. Однако в большинстве случаев мы имеем дело с вертикально ориентированной картиной мира, и души умерших отправляются куда-то под землю.

Часто в этой связи упоминалась Юду – Мрачная столица, располагавшаяся на дальнем севере, но и под землей, так, в «Призывании души» («Чжао хунь») из «Чуских строф» («Чу цы») говорится о спуске в Юду (в пер. М.Е. Кравцовой «О душа, возвращайся! / Господину не надо спускаться в тот край мрака»¹). Как место назначения душ умерших называли и Желтый источник (Хуан цюань), тоже подземный; в «Комментарии Цзо» («Цзо чжуань») оскорбленный матерью чжэнский правитель Чжуан-гун поклялся «не видеться с ней, пока они оба не сойдут к Желтому источнику» (1-й год правления Инь-гуна)².

Довольно большим влиянием пользовалась версия о локализации страны духов под горой Тайшань (или под расположенной рядом с ней горой Лянфу – см., например: [Старостина 2019, с. 267]). Буддизм познакомил китайцев с представлениями о «подземных узилищах» («ди юй»), не имевших привязки к конкретным земным локусам.

Наряду со всеми этими и некоторыми не упомянутыми здесь наименованиями, как минимум со времен империи Хань (конец III в. до н. э. – начало III в. н. э.) встречается топоним, который, казалось бы, непосредственно должен описывать страну, куда попадают после смерти, – Гуй го (Страна душ умерших, Страна призраков, Царство Демонов). Однако в этом значении в древности и в средневековье он не используется.

¹ Чуские строфы: избранные произведения в переводах Марины Кравцовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2022. С. 134. Подробнее о Юду см. с. 134–135.

² Durrant S., Li W., Schaberg D. Zuo tradition/Zuozhuan: Commentary on the “Spring and Autumn Annals”. Seattle: University of Washington Press, 2016. P. 12–14. О Желтом источнике, а также о том, как Чжуан-гун обошел свою клятву, см.: [Allan 1991, pp. 29–30].

Гуй го в раннесредневековых памятниках

Впервые этот топоним упоминается в «Каноне гор и морей» («Шань хай цзин»): «Царство Демонов находится к северу от Трупа Эрфу. Там обитают существа, у которых человеческие лица и один глаз» (пер. Э.М. Яншиной)³.

Слово «гуй» обычно обозначает душу умершего, хотя в расширительном смысле используется и для характеристики разнообразных существ демонической сферы. Однако в большинстве случаев «Гуй го» в исторических и географических сочинениях называли то или иное государство, существовавшее в людском мире, пусть и зачастую населенное странными существами – одноглазыми или со ртом на затылке.

Ю.А. Зуев справедливо писал: «...в сказочных образах страны Демонов отразилось представление древних о реально существовавших людях и местностях. Чертова страна (гуй-го) <...> это символ неведомого царства, находившегося за пределами досягаемости воображения о реальном»⁴. В разных источниках говорится, что Гуй го находится на севере, на юге, на юго-западе⁵, на северо-западе⁶ и на востоке, – но не под землей.

В нескольких текстах из сборников сюжетной прозы, составленных в X–XII вв., Гуй го располагают за морем – по всей видимости, под влиянием популярнейшей «Лотосовой сутры», где упомянута страна ракшасов на острове, куда может попасть неосторожный искатель богатства (в китайском переводе Кумарадживы «страна демонов-ракшасов», «лоча гуй го»⁷). В этих примерах население Гуй го обладает демоническими характеристиками (заметим, что упоминание Гуй го в мифологическом рассказе – маркер присутствия в нем неханьских компонентов).

³ Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и коммент. Э.М. Яншиной. М.: Наука, 1977. С. 106.

⁴ Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимики по китайским источникам (бома, гуй, яньмо) // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. С. 117.

⁵ Eberhard W. Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas. Leiden: Brill, 1942. S. 105. (T'oung Pao. Suppl. to vol. 36)

⁶ Как, в частности, в «Общих установлениях» («Тун дьянь») Ду Ю, источнике VIII в., с которым работал Ю.А. Зуев в процитированной выше статье (с. 116).

⁷ См. текст китайского перевода Кумарадживы на сайте проекта Digital database of Buddhist Tripitaka catalogues. URL: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T09n0262_007 (дата обращения 12 дек. 2023).

Так, в одном из фрагментов свода «Записи Ицзяня» («Ицзянь чжи», XII в.) в Гуй го попадает богач из Цзянькана (современный Нанкин), торговавший в странах Южных морей. Его берет в супруги Гуй го му («Мать Царства демонов»). Богач остается с ней на два года, пока счастливый случай не позволяет ему возвратиться. Как выясняется по ходу повествования, Гуй го му и ее свита имеют обыкновение летать в мир людей и питаться жертвоприношениями, выставляемыми в память умерших⁸. Здесь жители Гуй го – демоны, паразитирующие на чужой жертвенной еде.

Гуй го в рассказе «Купец из Цинчжоу»

В сборнике «Записи об изучении духов» («Цзи шэнь лу», X в., автор Сюй Сюань) в Гуй го попадает купец, корабль которого был застигнут штормом. Содержание этого рассказа, озаглавленного «Купец из Цинчжоу», и будет основным предметом нашего внимания, поэтому приведем здесь полный перевод:

Во время царствования Позднего Лян⁹ один купец из Цинчжоу, путешествуя по морю, попал в бурю. Его корабль принесло в место, откуда виднелись вдалеке и суша с горами и реками, и городские стены. Лоцман сказал:

– До этой бури я здесь никогда не бывал. Слышал, что где-то здесь страна призраков. Может быть, это она?

Вскоре корабль причалил.

Купец сошел на берег и направился к городу. Жилища и поля все были такими же, как в Средних государствах. Когда ему встречались люди, он кланялся им, но никто не отвечал. Когда купец подошел к городской стене, то поздоровался и со стражниками, но и стражники не ответили.

В городе он нашел богатые строения и хорошо одетых горожан. В царском дворце, где как раз пировали, он увидел множество вельмож и десятки прислужников. Платье и посуда, музыкальные инструменты и мебель по большей части напоминали те, что в ходу в Средних государствах.

⁸ 宋傳奇集 [Собрание сунских новелл чуаньци] / сост. Ли Цзяньго. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2001. С. 823–824.

⁹ Позднее Лян (Хоу Лян) – государство, существовавшее с 907 по 923 г. Оно контролировало обширную территорию, соответствующую нескольким провинциям центра и востока современного материкового Китая, в том числе – полуостров Шаньдун, откуда отплыл герой рассказа.

Купец поднялся в самый зал и устроился у самого трона, чтобы посмотреть, что будет дальше. Вскоре царю стало плохо. Приближенные подхватили его под руки и увели. Срочно вызвали колдуна, чтобы он разобрался, в чем дело. Колдун сказал:

– Сюда прибыл гонец из янских краев. Сила ян давит, поэтому царь и заболел. Но этот человек здесь случайно. Он не хочет зла. Поэтому отдаритесь едой и питьем, конем и экипажем, – и довольно с него будет.

Подготовили угощение с вином, устроили стол в отдельных покоях. Царь и сановники пришли туда и стали молиться. Купец пообедал, и тут к дверям подошел конюх с лошадей. Он сел верхом и поехал восвояси. Доехал до берега, взосел на корабль, – по-прежнему оставаясь невидимым для жителей той страны. Вновь задул попутный ветер, и он смог вернуться [далее следует абзац, где автор сообщает, по какой цепочке до него дошел рассказ купца]¹⁰.

Заметим, что купец отплывает из Цинчжоу – округа, расположенного на Шаньдунском полуострове. Через шаньдунские порты велись сношения с Бохаем и государствами Корейского полуострова. В предыдущем примере Гуй го локализовалось, по-видимому, южнее.

Рассказ строится вокруг редкого для китайской сюжетной прозы (возможно, уникального) мотива: демонические существа не в состоянии ни увидеть, ни услышать живого человека, который попал к ним в страну. Единственный, кто способен узнать о его присутствии, – это колдун, посредник между двумя мирами.

Как следует из слов этого самого колдуна, жители страны, куда попал герой, не выносят избытка силы ян. Мир живых – это, метафорически выражаясь, дневной мир, где преобладает свет (сила ян); мир умерших и демонов – ночной, в нем царит тьма (сила инь). Таким образом, купец оказывается в пространстве, которое внешне полностью подобно Средним государствам (территориям, элита которых осознавала себя наследниками древней культуры государства Чжоу), имитирует их – вплоть до «платья и посуды, музыкальных инструментов и мебели». Устройство государства

¹⁰ Перевод по изданию: 徐鉉. 稽神錄. 張師正. 括異志 [Сюй Сюань. Записи об изучении духов. Чжан Шичжэн. Записи, объемлющие странное]. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1996. С. 30; также рассказ вошел в состав антологии 太平廣記 [Обширные записи годов Тайпин] / сост. Ли Фан и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006. С. 2795–2796. Перевод был опубликован в книге: *Старостина А.Б.* Золотой шелкопряд: Сюй Сюань и его сборник «Записи об изучении духов». СПб.: Петербургское востоковедение, 2020. С. 187–188.

и общества, насколько можно судить по краткой экскурсии, тоже повторяет Срединные государства.

Гуй го в «Купце из Цинчжоу» не напоминает ни буддийские ады, ориентированные на временных пришельцев из других областей мироздания, ни бюрократические подземные управы, где судили грешников, ни горные убежища бессмертных, куда иногда забредали обычные люди, ни могилы, куда завлекали путников их неупокоенные обитатели. Во-первых, оно гораздо больше похоже на наш мир; во-вторых, это собственное пространство демонических существ, куда человек попадать принципиально *не должен*.

Упоминания о таких сферах в китайской сюжетной прозе встречаются, хоть и не очень часто, – см. хотя бы предыдущий пример из «Записей Ицзяня». В «Записях об изучении духов» есть рассказ (едва ли ханьский по происхождению) о крестьянке из гуандунского Пяньюя, которая вышла замуж за похитившего ее бога Грома: он жил в каменных палатах вместе с многочисленной родней¹¹. Однако ни о невидимости, ни о вредоносности живых людей для этих демонов речи никогда нет.

Мотив I56 в «Купце из Цинчжоу»

Нарратив «Купца из Цинчжоу» строится вокруг мотива, в каталоге Ю.Е. Березкина обозначенного как «Духи не видят живых» (I56): «Человек, попавший в иной мир, невидим для его обитателей, а тот, до кого он дотронулся, обычно заболевает»¹². Впрочем, тактильного контакта в тексте рассказа нет – купец причиняет страдания царю призрачной страны, просто сев у его трона.

Мы не можем утверждать, что купец встретился именно с умершими, это вполне могли быть другие демонические существа. Сюжет рассказа заимствован – для традиционных ханьских представлений, как было сказано выше, такая локализация потустороннего мира нехарактерна и, скорее всего, тоже перенесена из «Лотосовой сутры» (в других известных примерах реализации мотива I56 иной мир никогда не располагается на острове [Неклюдов, Новик 2010, с. 398]). Жители острова могли быть душами умерших в инокультурном источнике. Однако в версии, которая

¹¹ Перевод этого рассказа опубликован в книге: *Старостина А.Б. Золотой шелкопряд... С. 154–155.*

¹² *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/i56.html> (дата обращения 10 дек. 2023).

сложилась предположительно при Позднем Лян, их онтологическая сущность смазана, вполне возможно, из-за того, что рассказчик сам не был уверен, как ее квалифицировать.

Зеркальность, а не просто подобие Гуй го по отношению к миру живых обыгрывается в центральном эпизоде. В мире людей болезни вызывают невидимые духи – в мире духов болезнь вызывает невидимый человек. В качестве врача в обоих случаях приглашают магического специалиста как посредника между мирами, способного видеть невидимое. В мире людей духов отсылают, предложив им угощение, – в мире духов точно так же угощают человека.

Последняя деталь – конюх с лошадей, на которой купец добирается до корабля, – тоже может быть связана с определенной практикой магических специалистов. Изображения лошадей на бумаге сжигали, чтобы облегчить душе или божеству переход в другой мир; иногда вместе с лошадей рисовали человека. Амулеты эти использовались и используются во время похорон и проводов божества после праздника. В эпоху Сун они уже были распространены очень широко, но отдельные свидетельства о сожжении подобных бумажных артефактов встречаются и раньше [Завидовская, Рудь 2022]. К сожалению, нет непосредственных свидетельств того, что в X в. ими пользовались экзорцисты при лечении. Во всяком случае, проводы духа были главной функцией этих изображений.

Обратим внимание на параллель с дархатским примером, который привели С.Ю. Неклюдов и Е.С. Новик: там транспортировка «нежеланного гостя» в его собственный мир происходит с помощью лошадиного черепа [Неклюдов, Новик 2010, с. 393]. У юкагиров шаман усаживает заблудившегося героя на лошадь и завязывает ему глаза, – оказавшись в мире людей, тот обнаруживает, что сидит на лошадиной шкуре; у долганов героя сажают на сухое дерево, которое превращается в лошадь; у тувинцев его спускают на землю на коне из теста¹³. В китайском рассказе говорится о настоящей лошади, но она по логике зеркальности тоже должна быть макетом, скорее всего, – изображением на бумаге.

Откуда пришел сюжет рассказа «Купец из Цинчжоу»?

Как было сказано выше, округ Цинчжоу находился на Шаньдунском полуострове, а именно в его северной части. В Дэнчжоу, соседнем округе, были подворья для послов из Бохая и Силла.

¹³ Там же.

Во время правления Тан в шаньдунские порты прибывали торговцы, дипломаты, воины, буддийские паломники и проповедники, потенциальные студенты из Бохая, корейских государств и из Японии¹⁴. Существовала на Шаньдунском полуострове и диаспора выходцев из Силла [Kim 2019, с. 36–37]. Этот перечень неполон: в Танской империи и государствах, на которые разделилась ее бывшая территория, жили также и тюркские, и протомонгольские, и многие другие народы. Кроме того, следует помнить, что сам герой «Купца из Цинчжоу» был непосредственным участником международной торговли. Как мы видим, возможностей познакомиться с инокультурными сюжетами и мотивами было очень много.

«Купец из Цинчжоу» построен вокруг единственного эпизода. Перед нами не миф, не сказка и не этиологическое предание, а мифологический рассказ, какие преобладают в сборнике «Записи об изучении духов». Его структура проста:

1. Герой приходит в город, где его никто не видит и не слышит. Пользуясь ситуацией, он проникает в место, куда в обычной жизни никогда бы не попал, – во дворец.
2. От присутствия купца заболевает царь. Вызывают колдуна¹⁵. Тот узнает о присутствии чужака.
3. По рекомендации колдуна невидимому купцу передают еду и коня с конюхом. Герой обедает и возвращается на корабль, а там и домой, где рассказывает о своем приключении.

Это полностью соответствует фабульным элементам, перечисленным в статье С.Ю. Неклюдова и Е.С. Новик для одной из групп нарративов, содержащих мотив I56: «нечаянное попадание в потусторонний мир; невидимость визионера для тамошних обитателей; неумышленная вредоносность его воздействия на них; приглашение местного шамана, который выдворяет непрошеного гостя назад» [Неклюдов, Новик 2010, с. 394]. Так построены тексты, записанные у представителей тунгусо-маньчжурских и тюркских народов, а также нивхские, селькупский и кетский примеры. Если ориентироваться на этот перечень, исторически наиболее вероятным для «Купца из Цинчжоу» кажется заимствование из тунгусо-маньчжурских (таким государством был Бохай) или тюркских (в первую очередь туцзюэ и шато) традиций.

¹⁴ См., например: *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. С. 25–26.

¹⁵ Как «колдун» переведено слово «у» – широкий термин, обозначающий магических специалистов, которые не принадлежали к институализированным религиям.

Адаптация сюжета к китайской картине мира

В большинстве повествований, в которых есть мотив I56, иной мир, куда попадает герой, – это страна мертвых [Неклюдов, Новик 2010, с. 398–399]. Это создает затруднения для восприятия сюжета китайцами, поскольку описание этой страны как мира компактного поселения мертвых, для обитателей которого вреден контакт с живыми, непривычно для китайских представлений об устройстве потустороннего мира. Для большего правдоподобия действие рассказа перенесено на остров в море, а живущие на нем демонические существа не опознаются как именно души умерших. Читатель или слушатель должен опознать в них ракшасов из «Лотосовой сутры» или какой-то близкий им народ.

Дальнейшее остранение повествования заключается в выборе рассказчиком топонима «Гуй го», который, как мы видели выше, обозначал не потусторонний мир, а весьма отдаленные страны, населенные странно выглядящими жителями со своеобразными нравами. В целом этот рассказ, скорее всего, был оценен составителем сборника как интеллектуальное упражнение в воспроизведении оптики духов. От себя он или кто-то из предыдущих китайских передатчиков истории добавил замечание колдуна о том, что на царя «давит сила ян», т. е. главная тема зеркальности двух миров была перекодирована в терминах китайской натурфилософии.

Описание кормления и проводов героя отражает соответствующие китайские обряды; если подробность с конем можно встретить и в текстах других традиций, то упоминание о кормлении героя перед отправлением в мир людей больше нигде найти не удалось. Напротив, если он съедает что-то в потустороннем мире, его ждут самые неприятные последствия. В китайских же нарративах об изгнании духов болезни кормление – распространенная подробность.

Приведем в качестве примера близкий по времени «Купцу из Цинчжоу» рассказ, который, на наш взгляд, тоже демонстрирует знакомство автора с мотивом I56 в модифицированном виде. Его герой (это историческое лицо – писатель-новеллист Бо Синцзянь, 776–826) получает возможность познакомиться с оптикой духов и подвергается изгнанию, но при этом действие происходит в мире людей, в окрестностях г. Чанъань и самом городе. Этот рассказ сохранился только в составе 283 цзюаня свода «Обширные записи о странном» («Тайпин гуан цзи»). Содержание его таково.

Бо Синцзянь увидел во сне, как два человека вывели его за городские ворота. Они побывали на кладбище, а перед рассветом вернулись. «Синцзянь увидел, что в лавке неподалеку продают кашу и лепешки. Он проголодался и попросил двух посланцев

остановиться»¹⁶. Из дома вышла лавочница с младенцем на руках, и спутники велели ему бросить в ребенка комок глины. Тот заплакал и потерял сознание. Лавочница послала за колдуньей¹⁷. Та пришла, воскурила благовония и заиграла на лютне. Она определила, что пришли трое, причем один из них – живой человек, посоветовала принести гостям в жертву вино и еду. Поев, они собрались уходить. Ребенок очнулся. Бо Синцзянь пробудился в скверном настроении и вскоре умер.

Воспроизведение оптики духов в этом рассказе реализовано с помощью элегантно вторичного переворачивания ситуации¹⁸, которое не требует введения в сюжет заморских островов или элиминирования упоминаний о мертвецах.

Спутники Бо Синцзяня именуются в рассказе «посланцами» («ши чжэ»), таким образом, это не души умерших, но служащие подземной управы. Бо Синцзяню сначала снятся свежие могилы на кладбище, затем от его присутствия заболевает живой человек, – этот сон определенно предвещает смерть.

Заключение

В течение некоторого времени повествование о невидимом купце в стране духов передавалось из уст в уста. Позднее Лян, где жил герой, завершило существование в 923 г., Сюй Сюань, автор «Записей об изучении духов», начал собирать рассказы о необычайном в 936 г. Рассказ о путешествии в Гуй го дошел до него через нескольких посредников. Где-то по пути он оброс местными подробностями: изгнание героя из царства духов теперь сопровождалось его кормлением, вредоносность живого человека для обитателей демонического мира рационализировалась как результат несовместимости сил инь и ян.

История о сонном приключении Бо Синцзяня представляет собой еще одну попытку перенести мотив «Духи не видят живых» на местную почву. Однако в конечном счете он не смог укорениться в китайской фольклорной традиции, поскольку подразумевал совсем другую локализацию потусторонней сферы и другие отношения между живыми и умершими.

¹⁶ 太平廣記 [Обширные записи годов Тайпин] / Сост. Ли Фан и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006. С. 2258.

¹⁷ Тоже «у», но в женском роде, «нью у».

¹⁸ Заслуживает внимания схожая инверсия в этиологическом предании, записанном в 1930-е гг. Д.К. Грэмом у сычуаньских мяо: *Graham D.C. Songs and stories of the Ch'uan Miao*. Washington: Smithsonian Institution, 1954. P. 219–220.

Литература

- Завидовская, Рудь 2022 – *Завидовская Е.А., Рудь П.В.* Происхождение, религиозные функции китайской бумажной иконы «чжима» и ее коллекции в МАЭ РАН // *Этнография*. 2022. № 3 (17). С. 121–148.
- Неклюдов, Новик 2010 – *Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Невидимый и нежеланный гость // *Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова*. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 393–408.
- Старостина 2019 – *Старостина А.Б.* Потустороннее судопроизводство на горе Тайшань в китайской сюжетной прозе VI–X вв. // *In Umbra: Демонология как семиотическая система* / под ред. Д.И. Антонова, О.Б. Христофоровой. М.: РГГУ, 2019. Вып. 8. С. 267–284.
- Allan 1991 – *Allan S.* *The shape of the turtle: Myth, art, and cosmos in early China*. Albany: State University of New York Press, 1991. 230 p.
- Kim 2019 – *Kim S.* *Shinra Myōjin and Buddhist Networks of the East Asian “Mediterranean”*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2019. 194 p.

References

- Allan, S. (1991), *The shape of the turtle: Myth, art, and cosmos in early China*. State University of New York Press, Albany, USA.
- Kim, S. (2019), *Shinra Myōjin and Buddhist Networks of the East Asian “Mediterranean”*, University of Hawaii Press, Honolulu, Hawaii, USA.
- Neklyudov, S.Yu. and Novik, E.S. (2010), “The invisible and unwanted guest”, *Issledovaniya po lingvistike i semiotike: Sbornik statei k yubileyu Vyach.Vs. Ivanova* [The study in linguistics and semiotics: Collected papers on the jubilee of V.V. Ivanov], *Yazyki slavyanskikh kultur*, Moscow, Russia, pp. 393–408.
- Starostina, A.B. (2019), “Otherworldly trials on mount Taishan in 6th– to 10th-century Chinese narrative prose”, in Antonov, D.I. and Khristoforova, O.B., eds., *In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema* [In Umbra: Demonology as a semiotic system], RGGU, Moscow, Russia, iss. 8, pp. 267–284.
- Zavidovskaya, E.A. and Rud, P.V. (2022), “Origins and religious functions of the Chinese paper icons ‘Zhima’ and their collections at the MAE RAS”, *Etnografia*, vol. 17, no. 3, pp. 121–148.

Информация об авторе

Аглая Б. Старостина, кандидат философских наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12;

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; *abstarostina@gmail.com*

ORCID ID: 0000-0002-2421-2484

Information about the author

Aglaya B. Starostina, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031;

Institute of China and Modern Asia (RAS), Moscow, Russia; 32, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; *abstarostina@gmail.com*

ORCID ID: 0000-0002-2421-2484